

Светлана Геннадьевна Коваленко¹ (ostina@list.ru),
Андрей Владимирович Поповкин¹ (andrey.popovkin@gmail.com)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД РАСПАДА СССР (КОНЕЦ 1980-х — НАЧАЛО 1990-х гг.): ПРИОРИТЕТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА

В статье рассматривается трансформация источников социальной власти во времена выбора Россией дальнейшего пути развития после краха коммунистической системы. Из четырёх источников — идеологического, экономического, военного и политического — наиболее значимым, на взгляд авторов, выступает первый. В эпоху перестройки, осуществлённой М.С. Горбачёвым, была перейдена грань, отделяющая трансформацию идеологии от её слома, что обусловило неконтролируемые изменения в остальных трёх источниках и кризис общества в целом в «лихие 90-е». Именно это изменение послужило началом социальной катастрофы, последовавшей за распадом СССР, и повлекло за собой новые процессы, которые сопровождались чрезвычайно тяжёлыми социальными последствиями, системной дезинтеграцией, стагнацией народнохозяйственного комплекса, изменением геополитической обстановки в худшую для государства сторону и фактическим откатом назад в развитии страны на многие десятилетия. Три других источника социальной власти начали активно изменяться только после первого. Авторы анализируют происходящие процессы, основываясь на теоретических построениях М. Манна и концепции легитимации, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом. В работе использованы эмпирические материалы, полученные авторами в ходе глубинных интервью с представителями группы дальневосточных управленцев. Сделан вывод о том, что реальная ситуация в стране и регионе зависела от указанных четырёх источников социальной власти, которые не автономны, а тесно взаимосвязаны, а также рассмотрено их влияние на внутреннее региональное пространство. **Ключевые слова:** социальная власть, Дальний Восток России, трансформация, управление, регион, эпоха Б.Н. Ельцина, кризис.

Svetlana G. Kovalenko¹ (ostina@list.ru),
Andrei V. Popovkin¹ (andrey.popovkin@gmail.com)

TRANSFORMATION OF SOURCES OF SOCIAL POWER IN RUSSIA DURING THE COLLAPSE OF THE USSR (LATE 1980s — EARLY 1990s): CENTRAL AND REGIONAL LEVEL

The article deals with the transformation of the sources of social power at the time of Russia's choice of the further development path after the collapse of

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

the Communist system. Of the four sources — ideological, economic, military and political — the most significant is the first, in the opinion of the authors. In the era of perestroika, initiated by M. Gorbachev, the line separating the transformation of ideology from its break was crossed, that led to uncontrolled changes in the other three sources and to the crisis of society as a whole in the “dashing 90s”. It was the change that pushed the beginning of the social disaster followed the collapse of the USSR and led to new processes with extremely severe social consequences, systemic disintegration, stagnation of the national economic complex, change in the geopolitical situation for the worse for the state and the actual roll-back in the development of the country for many decades. Three other sources of social power began to change actively only after the first one. The authors analyze the ongoing processes based on the theoretical constructions of M. Mann and the concept of legitimation developed by P. Berger and T. Lukman. The article uses empirical materials obtained by the authors during in-depth interviews with representatives of the Far Eastern managers. It is concluded that the real situation in the country and in the region depended on these four sources of social power, which are not autonomous, but are closely interrelated as well as their impact on the internal regional space is considered.

Keywords: social power, the Russian Far East, transformation, management, region, the Yeltsin era, crisis.

Распад СССР в 1991 г. и формирование на основе его бывших республик независимых государств по своему значению для историков, социологов, философов и антропологов представляет собой явление примерно того же масштаба, что и вспышка сверхновой звезды для астрономов. И подобно тому, как последних волнуют не только внешние феномены, но и причины их возникновения, для нас также представляют интерес те социально-политические, культурные и экономические процессы, которые предвещали и сопровождали распад Советского Союза, а затем более или менее интенсивно и длительно шли во вновь образовавшихся на его пространстве новых государствах.

Чаще всего причины и процессы, связываемые с распадом СССР и последующими событиями, увязываются со сменой экономической модели. Однако в контексте означенной постановки проблемы представляется уместным обратиться к теории источников социальной власти М. Манна, наиболее ярко выраженной в его фундаментальном труде «The Sources of Social Power» [10; 11]. Привлекательность данной теории для нас обусловлена тем, что важнейшей характеристикой власти для исследователя выступает возможность организовать и контролировать людей, ресурсы и территории, а также развитие этих способностей на протяжении истории. Кроме того, распад СССР и формирование на его основе новых независимых и квазинезависимых государств есть именно кризис власти, сопровождающийся утратой старых механизмов контроля и формированием новых.

М. Манн выделяет четыре основных источника социальной власти: идеологические, экономические, военные и политические отношения. Фактически «...речь идёт о методологической установке, согласно которой, работая с макропроблемами в рамках социальной или исторической науки, необходимо эксплицитно учитывать каузальный вклад в финальный результат всех четырёх» [7, с. 6].

В нашем исследовании мы намерены сосредоточиться на идеологии, поскольку она представляется нам наиболее важной причиной социальной катастрофы², сопровождавшей распад СССР. Однако при этом идеологические процессы будут соотноситься с остальными источниками власти. В понимании термина «идеология» мы опираемся не столько на его интерпретацию самим М. Манном, сколько на более удобную для анализа социальных институтов и процессов, в которые они вовлечены, концепцию легитимации, разработанную П. Бергером и Т. Лукманом в их работе «Социальное конструирование реальности» [3]. Полагаем, что ключевое содержание понятий «идеология» (по М. Манну) и «легитимация» (по П. Бергеру и Т. Лукману) суть *целостное объяснение социальной реальности, доступной индивидам соответствующего социума, формирование её смысловой связности средствами символического универсума, порождённого соответствующим социальным институтом* (религией или политической партией).

Легитимация социальных институтов и всего общества, или, что в данном контексте то же самое, общественная (либо общественно-государственная) идеология, не есть некий привходящий фактор. Отличительная черта человека — *необходимость видеть смысл* в происходящих с ним событиях, в том числе и в деятельности тех социальных институтов, с которыми он так или иначе сталкивается или членом которых является/являлся на разных этапах своей жизни. Как указывают П. Бергер и Т. Лукман, «вся жизнь индивида, последовательно проходящего различные ступени институционального порядка, должна быть субъективно осмысленной. Иначе говоря, индивидуальная биография, с её последовательными институционально предопределёнными стадиями, должна быть наделена смыслом, придающим субъективную значимость всей этой биографии» [3, с. 152].

В некотором смысле идеологию вполне допустимо рассматривать как форму и/или средство смыслового контроля социальной реальности. Её можно уподобить концепции метанарратива, «распространяющего» своё действие на тот или иной социум. И подобно тому, как в рамках метанарратива получают смысл, этическую и эстетическую оценку все нарративы, идеология в обществе выступает смысловым, этическим и, пожалуй, даже эстетическим камертоном, в соответствии с которым, прежде всего, формируются границы допустимого и неприемлемого.

² Понятие «катастрофа» в данном случае мы используем в синергетическом контексте, подразумевая резкое изменение или разрушение системы.

В указанном отношении становится понятна системообразующая роль идеологии, причём не важно, речь идёт о государстве, обществе в целом или о каком-либо из социальных институтов, входящих в их состав. Дело в том, что ключевой характеристикой системы выступает её способность «отличить» свои элементы от других³. Именно из такого понимания исходит известный теоретик социальных систем Н. Луман, утверждая, что их атрибутивным признаком является различие самореференции и инореференции [9]. Иными словами, социальная система сохраняется тогда и только тогда, когда способна отличить самописание от тех описаний, которые она получает от других систем извне, и того, как она сама описывает другие социальные системы и их элементы. Фактически идеология выступает базовым тезаурусом или даже языком самоописания социума (или социального института), а также содержит атрибуты его самоидентичности и, соответственно, отвечает за различие самореференции и инореференции — оппозицию «мы — они».

Отсюда совершенно естественно вытекает *консервативность* и даже *репрессивность* идеологической власти. Ведь очевидно, что если идеология отвечает за смысловую консистентность этических, эстетических и т.п. воззрений членов общества (или социального института), то крайне важно не допустить в культурное пространство идеи, концепции и образы, противоречащие главным идеологемам. При этом следует отметить, что у разных идеологий своя степень «чувствительности» к другим идеям и воздействиям. Скажем, в советской идеологии эстетический момент был весьма значим в опознании «свой — чужой», тогда как у «американской мечты» эстетический образец задавался не так жёстко, почти не связывался с политическими факторами, а скорее формировал эстетику быта и потребления: красивые машины, дома и т.п. Отсюда и разная реакция властей на эскапады современного искусства: от «бульдозерных выставок» в СССР до полной толерантности в США и Западной Европе. Примерно те же основания имела и «борьба» в Советском Союзе с джазом, джинсами и прочими образами культуры потребления.

В целом можно утверждать, что любая устойчивая социальная система, в том числе государство, неизбежно либо определяет легитимные источники идеологием (включая философско-этические идеи, образы искусства и кино и т.п.), либо формирует социальные институты или иные инструменты легитимации приемлемых идеологием и подавления неприемлемых. Далеко не всегда это выражается в институализированном аппарате цензуры. Как мы успели увидеть за два последних десятилетия, в России и на Западе «цензура рубля» или цензура институтов гражданского общества в виде «политкорректности» способны осуществлять легитимацию или делигитимацию культурного контента ничуть не хуже, а порой даже жёстче и безапелляционнее, чем цензоры времён СССР.

³ Мы позволим себе не согласиться с М. Манном и всё-таки будем рассматривать общество и государство как системы, принимая во внимание естественные границы такого подхода.

Что же происходило в рассматриваемый нами период? В Советском Союзе с середины 1980-х гг. шло неуклонное смягчение цензуры, которое в итоге переросло идеологему саму по себе. Перформативный сдвиг, т.е. такое состояние официальной идеологии, когда формальные и ритуальные моменты начали доминировать над содержательными и смысловыми, становился всё отчетливее [14, с. 555].

Изначально нарушение советского идеологического канона было представлено М.С. Горбачёвым и его последователями как «возврат к подлинному ленинизму», недогматическому марксизму, т.е. оздоровление идеологии, а не её подрыв, чем оно на самом деле оказалось. Причём ни сам М.С. Горбачёв, ни другие реформаторы в руководстве партии, скорее всего, не осознавали последствий своих действий [13, с. 699].

Речь идёт о знаменитой на весь мир «гласности». Что же означало её введение в идеологическое пространство СССР в сочетании с концепцией перестройки? Последняя касалась практически всех источников социальной власти: идеологического, экономического, военного и политического. При этом не было ясного и разделяемого обществом *проекта* перестройки: большинство граждан не устраивала социально-политическая и экономическая ситуация, все хотели изменений, но вот в отношении их цели общественный консенсус отсутствовал.

Сам М.С. Горбачёв в статье «Новая политика в новой России» отмечал: «Перестройка — не изобретение Горбачёва. Это даже не изобретение группы лиц. Попытки реформировать страну предпринимались не раз после смерти Сталина. Латали дыры за счёт нефти, нефтяного бума... Иными словами, какую сферу ни взять, везде всё загоняли в тупик. Поэтому перестройка, реформы были нужны» [6]. С этим утверждением трудно не согласиться, однако у лидера государства отсутствовал и чёткий план самих реформ, и понимание того, как сохранить политическое влияние в любых трансформациях на происходящие процессы.

В.И. Болдин (в прошлом руководитель аппарата Президента СССР, помощник генерального секретаря ЦК КПСС, более 10 лет (до августа 1991 г.) проработавший с М.С. Горбачёвым) в своей книге приходит к выводу, что Михаил Сергеевич, неумело выпустив джинна из бутылки, не удержал в своих руках положение в стране и партии и был вынужден сдавать одну позицию за другой [4]. Такой же точки зрения придерживается ряд исследователей и политологов [2, с. 33].

Процесс трансформации общества начался с идеологии, причём реальные действия по трансформации идеологического пространства стали осуществляться намного раньше, чем их официальное обоснование.

Так, первые упоминания о подготовке текста выступления, посвящённого идеологии перестройки, зафиксированы 17 декабря 1987 г. в соответствующей диктовке, подготовленной при участии генерального секретаря ЦК КПСС и записанной с его личных слов [1]. В диктовке М.С. Горбачёв отмечает, что «ситуация созрела для выступления по идеологическим вопросам», поскольку существует необходимость отразить

основные ценности перестройки, которыми являются «революция, социализм, марксизм-ленинизм». Однако «наши ценности», полагает М.С. Горбачёв, требуется раскрыть через призму уже произошедших изменений в советском обществе — «как это смотрится сейчас, в период перестройки, то есть, о каком социализме речь идёт сейчас». Таким образом, процесс осмысления перемен явно отставал от самих трансформаций.

В наиболее яркой и талантливой форме настроение того времени нашло выражение в популярной песне В. Цоя: «Перемен, мы ждём перемен...». Иными словами, прежнее положение дел в экономике и политике более не являлось «нормальным», а точнее — перестало рассматриваться как нормальное, как то, что следует сохранять и воспроизводить в социально-экономической и политической практике. В сочетании со снятием барьеров в сфере идеологии и размытием процедур легитимации это привело к поистине сокрушающему эффекту. Общество буквально вскипело от столкновений идеологием, вбрасываемых в социокультурное пространство самыми разными социальными группами. В культурном пространстве СССР начали формироваться различные идеологические системы, в том числе этноцентрические, принёсшие позднее свои кровавые плоды в России, Таджикистане, Грузии и других государствах.

В целом же нужно учитывать, что вхождение новых идеологием в культурное пространство Советского Союза происходило не одновременно. Оно было коротким и бурным, как цепная реакция, но всё же вполне выделяемым во времени. И далеко не все старые социальные институты в равной степени оказались толерантны к идеологическим новеллам. Ниже мы рассмотрим подробнее, как протекал этот интересный и поучительный социально-исторический процесс.

Начало идеологической трансформации было положено апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС. Характерным в базовых документах того времени являлось то, что без конкретной проработки внутреннего экономического курса власть делала серьёзную попытку трансформации всей идеологической системы. Как отмечал М.С. Горбачёв, «проблема заключалась не в его (социализма) недостатках, а в том, что потенциальные возможности социализма использовались недостаточно». Идеологическим стержнем первого этапа стала установка: социализм не ответственен за экономический спад в советском обществе [12, с. 57].

Уже на этом этапе сомнению и критике была подвергнута вся советская история: вначале — наиболее одиозные или скрываемые её моменты («чёрные дыры» и «белые пятна», по терминологии того времени): голод 1933 г., сталинские репрессии, пакт «Молотова — Риббентропа» и т.д.; а затем — ключевые фигуры и события: Ленин и «старые революционеры», Октябрьская революция, коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война и пр. Советские герои и антигерои поменялись местами: первых разоблачали и развенчивали, вторых реабилитировали. Процесс разрушения советской моностилистической культуры происходил одновременно на уровне идей, ценностей, смыслов, ритуалов

и институтов [13, с. 701]. Деконструкция идеологической составляющей началась ещё до того, как в стране стала происходить трансформация трёх других источников социальной власти.

Несмотря на это, на региональном уровне реакция власти и социума первоначально была спокойной [см., напр.: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 903. Л. 65—71], власть рассматривала новую программу как очередную кампанию по корректировке внутреннего курса, которых в советской истории насчитывалось предостаточно. По мнению одного из управленцев⁴, «...вначале никто ничего и не понял, думали, ну при Андропове была антиалкогольная компания, пережили, ну вот и очередная... Всё пройдёт. Какое-то время никто всерьёз ни воспринимал то, что Горбачёв говорил. Работали, как работали до этого. Только гласность уже тогда сильно раздражала. Никто не знал, как относиться к тому потоку разоблачений, который лился со всех сторон» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 19]. Общество на первом этапе с энтузиазмом включилось в процесс разоблачения недостатков власти. Между двумя полюсами — теми, кто верил в советские идеалы и кто их отрицал, — возникли наиболее ожесточённые споры.

Вторым этапом стало расширение круга целей, достижение которых должно было обеспечивать «ускорение социально-экономического развития страны». Сам термин «ускорение» начал рассматриваться гораздо шире, чем на первом этапе. Под ним уже понималось решение всего комплекса социально-экономических задач и более быстрое продвижение к новому качественному состоянию общества.

В дальнейшем партийное руководство осознало недостаточность призыва к ускорению, но не отменило его, а стало наполнять новым более ёмким содержанием. Роль ключевого лозунга перешла к термину «перестройка». Суть последней заключалась в том, чтобы *ослабить роль централизованного управления экономикой*. Государство должно было сосредоточиться на выборе основных направлений развития и на определении того, *что* нужно для сохранения базовых макроэкономических равновесий, оставив больше пространства для инициативы отдельных предприятий. Это не означало отказа от управления экономикой, но предполагало осуществление последнего не административными методами,

⁴ Автором проведено исследование методом глубинного интервью, во время которого респондентам задавались вопросы о том, как они идентифицировали себя в кризисный момент российской истории. Было проведено 75 гайд-интервью с управленцами разного уровня во Владивостоке, в результате чего удалось выявить ценностные установки элиты в эпоху кардинальных перемен. Особое внимание уделялось возрастному составу респондентов. Младшему участнику на момент беседы исполнилось 60 лет. Автор сознательно выбрал старшую возрастную группу, так как методология исследования предполагает, что к началу перестройки человек должен был проработать в советской системе не менее 20 лет на различных должностях и намеревался продолжать продвижение по карьерной лестнице, если бы не масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни СССР.

а с помощью «экономических рычагов» — норм, законов, кредитов, материальных стимулов. Таким образом, мы видим, что руководство Советского Союза увязывало изменение характера идеологического контроля с трансформацией контроля в области экономики. Отдавало ли оно себе отчёт, что за этим последуют опасные изменения и в контроле, и даже *контролируемости территории СССР?*

Неготовность власти к провозглашённому курсу выявилась на уровне Дальнего Востока сразу же. Один из респондентов, в прошлом управленец высокого уровня, справедливо отметил: «О каких вообще экономических рычагах шла речь? Их не было на Дальнем Востоке в принципе. Вначале все подумали, что это вообще просто пожелание, в стиле не раз проводимых советских реформ. Я лично к этому отнёсся более спокойно, чем к андроповской политике. Там было конкретно: поймали человека с моего предприятия во время рабочего дня — всё, мне по шапке серьёзно давали. И правильно, я ведь обязан был его воспитывать и дисциплину блюсти» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 24].

Местная, особенно районная печать очень ярко отражает эволюцию идеологии и способов описания перестройки, да и саму реальность того времени: от привычных штампов к обновлению, от эйфории до безнадёжности и отчаяния. В 1985 г. животноводы совхоза «Просторы» (Ханкайский р-н) через газету «Приморские зори» якобы обратились к труженикам районных ферм с предложением «ознаменовать завершающий год XI пятилетки высокопроизводительным трудом и выполнить принятые обязательства». Опираясь на этот «призыв», райком КПСС принял постановление «О поддержании инициативы животноводов совхоза „Просторы“ по развёртыванию социалистического соревнования за выполнение планов и обязательств...» и возложил контроль над его исполнением на местные партийные организации и администрацию предприятий. То есть налицо привычный механизм имитации работы по повышению трудового энтузиазма в рамках кампании по «ускорению». В 1987 г. в газете опубликовали материал о реальном состоянии дел в том самом совхозе: о телятниках с дырявой крышей, без отопления и даже электричества, построенных в 1957 г., где «не по возрасту мелкие, горбатые телята стоят по брюхо в грязи, от холода обрастают ненормально густой шерстью» и умирают, а работницы выбиваются из сил, пытаясь им помочь, вручную в темноте таскают корма. При этом за «падёж скота» с них пытаются по суду взыскать ущерб [13, с. 704].

После этого были предложены новая идеологическая конструкция — «социализм с человеческим лицом» — и стратегия реформ, которые были представлены на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Это стало началом кардинальных трансформаций, приведших впоследствии к краху идеологических установок социализма. Ведь экономическая реформа затрагивала то, что в марксистской идеологии называлось производственными отношениями, на которых в СССР строилась вся теория советского общества. Новые экономические отношения, внедряемые в рамках

перестройки, для сохранения идеологического контроля требовали легитимации, идеологического и даже социально-философского обоснования. Но здесь негативным фактором выступил догматизм советского марксизма. В итоге полноценного идеологического обоснования перестройка не получила, причём в понимании как общества, так и представителей власти. Как следствие, у процессов перестройки, гласности и ускорения отсутствовали критерии, различающие допустимые и недопустимые социальные практики. Именно так были посеяны зёрна аномии «бурных 90-х».

Следующий шаг стал неизбежен. Уход коммунистической идеологии на второй план как государственной и мировоззренческой доктрины осуществлялся стремительно и к началу 1990-х гг. прошёл точку невозврата. Параллельно с этим интенсивно строилась новая, многопартийная система. К 1990 г. идеологическая парадигма позднесоветского времени претерпела ряд трансформаций от «не полностью раскрытого потенциала социализма» до согласия с необходимостью введения регулируемых рыночных отношений. При этом в официальных документах уже признавалось, что меры, предпринимаемые правительством в рамках существующей экономической системы, не улучшали, а ухудшали ситуацию. В документе «К вопросу введения регулируемых рыночных отношений», разработанном по указанию из центра Отделом социально-экономической политики Приморского крайкома КПСС и предназначенном в помощь председателям сельских и поселковых Советов народных депутатов, говорилось о том, что в первом квартале 1990 г. в стране объём производства снизился на 1,2%, а денежные доходы населения увеличились на 15,5%, зарплата возросла на 11,2%. Из-за забастовок, митингов и волнений ежедневно не работало 200 тыс. чел. Речь шла о признании социалистического рынка, который должен отличаться специфическими чертами: «...не носит всеобъемлющего характера... планово-регулируемый... в рыночные отношения не вступает частная собственность». Главная задача такого рынка — перейти к экономическому росту, устранить дефицит [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1074. Л. 65—71]. Такую идеологическую установку следует считать провалом поисков официальной идеологической парадигмы социализма, так как совместить столь противоречивые вещи в реальности не представлялось возможным.

Местные органы власти, получившие этот документ, осознавали своё бессилие и ограничились тем, что ознакомили с ним представителей партийных структур на всех уровнях. Возможность активных действий была упущена.

Руководство на местах всё острее ощущало потерю контроля над социальными процессами. Только в конце 1980-х гг., т.е. накануне распада СССР, управленцы поняли: начинать реформы с изменения идеологии — серьёзнейшая ошибка М.С. Горбачёва и его единомышленников. По мнению одного из респондентов, «...на идеологии фактически всё держалось, я, например, относился к партии, как к жене, которую нужно

бояться и любить. Когда начались эти разоблачения, это мной воспринялось так, как будто она занималась проституцией всё то время, что жила со мной. Как я после этого должен был к ней относиться?» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 37].

Идеологический крах СССР стал следствием привнесения в его идеологию противоречащих друг другу идеологием. В итоге вся социальная система и базовые социальные институты утратили способность различать «свой — чужой», «хорошее — плохое» поменялись местами. Так, в экономической сфере часть общества не видела разницы легитимных и нелегитимных (вплоть до откровенно криминальных) экономических групп и видов деятельности. Бандиты стали «авторитетными» фигурами не только в криминальных кругах, но и в определённой части общества в целом. Сходные процессы наблюдались и в политике: стоит вспомнить характерные попытки отказаться от национальных интересов и полностью встроиться в международный курс США при министре иностранных дел РФ А.В. Козыреве.

Хотелось бы обратить внимание на одну примечательную особенность «развития» (а вернее, хаотического изменения) идеологии в СССР в преддверии распада (1989—1991): практически не были слышны консервативные идеи. При этом, как отмечается в редакционном примечании к статье Л. Сигала, «...консерваторы не должны были бы разделять марксистские догмы и верить в мудрость Ленина-Сталина, они должны были оппонировать радикальным критикам режима как защитники „порядка“ от угрозы его разрушения адептами новых ценностей» [17]. И действительно, в «бурные 90-е» было всё: от апологии сталинизма до идей типа «сдались бы вовремя Гитлеру — пили бы сейчас хорошее пиво». Но вот похвалы порядку и сложившемуся жизненному укладу в общественно-политическом пространстве слышно не было. Хотя, как свидетельствует приведённая выше цитата, ряд исследователей высказывали вполне консервативные оценки событий. Но эти публикации прошли мимо внимания общественности и учёных. По всей видимости, причина такого положения дел заключалась в том, что все устали от старого порядка и слишком надеялись: «...хозяйство пойдёт само собой. Сбросим коммунистов и заживём. Такое государство не может рухнуть... Будем жить как жили и ещё лучше» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 9]. Этого не произошло. Но могло ли быть иначе?

Напомним: по М. Манну, один из четырёх источников социальной власти — экономические отношения в виде связей и структур. И несмотря на экономический кризис начала 1990-х гг., экономические связи регионов и отдельных предприятий, сформированные в СССР, сохранялись вплоть до 2000-х гг. Один из респондентов, в прошлом советский снабженец, отмечал: «Страшно было бы представить, если бы всё одновременно развалилось. Где-то что-то оставалось, и слава Богу. Это во многом и позволило людям пережить тяжёлые времена. С развалом Союза начал преобладать практицизм, говорить стало некогда, нужно было жить и кушать» [Личн. арх.

С.Г. Коваленко. Интервью № 47]. Очень быстро эйфория и ожидание скорого наступления хорошей жизни сменились стратегиями выживания для большей части населения регионов, особенно приграничных.

Экономические структуры советского времени позволили реализоваться данным стратегиями. По мнению Ю. Ковалевской, «...структуры повседневности советского типа были интегрированы в единую систему, где жизнеобеспечение и контроль обеспечивали одни и те же институты. Предприятие являлось формой социальности» [8, с. 46].

Сыграло серьёзную роль и то обстоятельство, что на разных территориях процесс трансформации советской системы отношений занял разное время. Одна из респонденток рассказывает: «Я жила и работала на руководящих должностях в разных районах Дальнего Востока. Перемены в маленьких городах и посёлках наступали позднее, но проходили гораздо болезненнее, чем в крупных населённых пунктах. Люди держались во многом на том экономическом потенциале, что был в советское время. Но со временем, приблизительно в середине 1990-х гг., он исчез» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 48].

Затронем немного вопрос о военном источнике социальной власти. Ведь не секрет, что в СССР армия являлась важным и действенным средством власти, была объектом непрестанной идеологической заботы в советское время. Ослабление и последующий крах идеалов социализма чрезвычайно болезненно воспринимались в её среде.

Почему же военные в сложных исторических условиях приняли перемены? Ведь они могли оказать серьёзное влияние на политическое развитие государства, встав на ту или иную сторону в событиях, связанных с Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) и разворачивающихся с 18 по 21 августа 1991 г. В наши дни доминирует трактовка «победителей»: ГКЧП был судорожной попыткой удержания контроля (или даже государственного переворота — путча) высшими чиновниками СССР. Но преследовал ли ГКЧП действительно реставрацию советской системы, особенно её идеологических оснований?

Обращение «Слово к народу», опубликованное 23 июля 1991 г. и ставшее идеологическим предвестником путча, апеллировало сначала к «партиям, большим и малым, к либералам и монархистам, к централистам и земцам, к певцам национальной идеи» и только в последнюю очередь — к компартии, деятельность которой авторы воззвания оценивали чрезвычайно критично из-за передачи ею власти «легкомысленным и неумелым парламентариям, рассорившим нас друг с другом, наплодившим тысячи мертворождённых законов, из коих живы лишь те, что отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны...». В тексте, подписанном, в частности, тремя будущими обвиняемыми по делу ГКЧП (В. Варенниковым, В. Стародубцевым и А. Тизяковым), нет упоминаний о коммунистическом светлом будущем, а о советской власти говорится только в контексте её укрепления и превращения в «подлинно народную». Показательно, что одним из подписантов и участников работы над

обращением выступил тогдашний главный идеолог ЦК компартии РСФСР Г. Зюганов, хотя и это не привело к насыщению текста коммунистической идеологией [15].

Высшее военное руководство, причисленное впоследствии к «сочувствующим» и «соучастникам», фактически не предприняло активных действий [5, с. 553—622]. Объяснением пассивности может служить интенсивное реформирование всех правоохранительных органов и армии, проведённое в период перестройки С.М. Горбачёвым, внешне малозаметное, оно очень серьёзно трансформировало данные структуры к началу 1990-х гг. Это привело к большому оттоку квалифицированных кадров и запуску процессов моральной деградации офицерского состава. На Дальнем Востоке большое значение имели и вскрытые исследователями тяжёлые проблемы финансирования и материально-технического снабжения Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота [18, с. 108].

Другой причиной, несомненно, является выбор стратегии поведения, характеризующийся тем, что, поскольку советская идеология на тот момент находилась в кризисе, а государство во многом базировалось на ней, возникал вопрос: стоит ли защищать такое государство ценой своей жизни? Один из респондентов, представителей военной элиты, очень откровенно сказал: «...меня учили исполнять приказы. Но я давал присягу СССР. Когда государства не стало, какие приказы я должен был выполнять? Подчиниться ГКЧП значило свергнуть государство в гражданскую войну, кроме того, было уже понятно, что нас ждут большие неприятности в будущем, зачем ещё нужна была война на Дальнем Востоке?» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 32].

Несомненно, сыграло роль и то, что руководители ГКЧП по своим личным качествам не были способны осуществить цели, которые ими декларировались. Таким образом, поражение путча стало лишь финальной частью заката компартии СССР, которая утратила дееспособность ещё до падения ГКЧП. В то же время провал ГКЧП, крах КПСС и последовавший распад Советского Союза не привели к созданию в России стабильной демократии, а только подстегнули трансформационные процессы.

Завершающим аккордом разрушения идеологии и политической системы стал разгон съезда народных депутатов и Верховного совета СССР. В начале октября 1993 г. в стране было объявлено чрезвычайное положение. Сторонники А.В. Руцкого 3 октября начали штурм Останкино и здания московской мэрии. В ответ Б.Н. Ельцин ввёл в город танки и санкционировал штурм Белого дома (тогда — Дома Советов). Защитников Белого дома вынудили сдать. Верховный Совет был распущен, вся полнота власти оказалась в руках президента. В эти дни погибло 157 чел., 384 чел. были ранены [16]. На уровне регионов это событие восприняли чрезвычайно болезненно. Так, один из депутатов краевого совета Приморского края очень откровенно сказал: «Стало понятно, что всё, что было, уже разрушено, а лучшего не будет ещё долго. Ну, избрали мы Кузнецова в 1991 г.

главой администрации Приморского края. После того как в 90-м он избран был председателем исполкома Приморского совета народных депутатов. Думали, работать будет. Вроде, человек приличный. С одной стороны, и не ортодокс, с другой — и не оголтелый демократ. Но ничем не хотел заниматься, кроме внешнеэкономических связей, хозяйство всё летело в тартарары. Можно было как-то смягчить многие вещи. А после разгона советов получается, вообще идеологии нет окончательно, ведь народ нас избирал, и мы были легитимной властью, влияния на власть нет. Без обратной связи каждый может делать что хочет. Так хоть мы на сессиях губернатора долбали, а так вообще никто из власти народу ничего не должен» [Личн. арх. С.Г. Коваленко. Интервью № 45].

Подобное же мнение высказывали респонденты социологических исследований. Опросы ВЦИОМ, проведённые в 1988—1990 гг., свидетельствуют о том, что перемены, которых так жаждало общество в 1990 г., уже многим казались излишними в связи с углублением кризиса во внутренней политике, в том числе и в экономике. Так, на вопрос «Если бы вы в 1985 г. знали, к чему приведут начавшиеся тогда в стране перемены, вы бы их поддержали или нет?» 33% ответили, что поддержали бы, 34% отказали бы в поддержке, 33% не смогли определиться. Тогда как доля поддержавших перестройку в начале была значительно выше и достигала 50% [16].

Идеологический крах и, как следствие, отсутствие привлекательного образа будущего привели к поиску образцов в мифологизированном прошлом, к идеализации «России, которую мы потеряли». Только для одних она была царской, для других — брежневской, а для кого-то — сталинской. В некоторых вариациях мы наблюдаем эти поиски идеала российским обществом и в наши дни.

Подводя итоги, следует отметить: предложенная М. Манном концепция четырёх источников социальной власти позволяет увидеть кризис распада СССР более комплексно. Совершенно очевидно, что данные источники не автономны, а находятся во взаимосвязи друг с другом. При этом, как нам представляется, именно кризис идеологической власти влечёт за собой самые тяжёлые последствия. Ведь были периоды, когда СССР переживал намного более серьёзные проблемы с экономикой и контролем территории. И они сопровождались трансформациями в идеологии, например, в годы Великой Отечественной войны произошла либерализация отношения Советского государства к Русской православной церкви. По всей видимости, в эпоху перестройки, затеянной М.С. Горбачёвым, была перейдена грань, отделяющая трансформацию идеологии от её слома. Это событие повлекло за собой утрату общественного консенсуса в отношении фундаментальных ценностей: патриотизма, социальной справедливости, гражданского долга и т.п. Общество СССР прекратило быть в полном смысле слова обществом, сделавшись конгломератом социальных групп и группировок, соответственно, исчезло и государство Советский Союз. Последовавшая за этим аномия «бурных 90-х» стала закономерным итогом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмов А.В. Идеология обновления в риторике М.С. Горбачёва как базовый элемент образа перестройки (на примере подготовки выступления на февральском пленуме ЦК КПСС 1988 г.) // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 2 (37). С. 106—114.
2. Барсенков А.С. и др. Общероссийская научная конференция «Перестройка: 20 лет спустя» / А.С. Барсенков, О.В. Гаман-Голутвина, В.И. Коваленко, В.Н. Расторгуев, А.И. Соловьёв, Е.Б. Шестопал // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 6. С. 29—58.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 336 с.
4. Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету Горбачёва. М., 1995. 447 с.
5. Варенников В.И. Неповторимое. М.: Советский писатель, 2002. Т. 6. 1788 с.
6. Горбачёв М.С. Новая политика в новой России // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 2—4.
7. Карасев Д.Ю. Историческая социология власти Майкла Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4 (87). С. 5—23.
8. Ковалевская Ю.Н. Постсоветский переход на Дальнем Востоке России в вербальных и визуальных источниках // Архонт. 2018. № 3. С. 40—54.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н.А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
10. Манн М. Источники социальной власти. В 4-х т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 г. н.э. М.: Дело, 2018. 712 с.
11. Манн М. Источники социальной власти. В 4-х т. Т. 4. Глобализация, 1945—2011. М.: Дело, 2018. 672 с.
12. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
13. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5). URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf> (дата обращения: 11.04.2018).
14. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. 2-е изд., перераб. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
15. Официальный сайт журнального клуба «ИНТЕЛПРОС». URL: <http://www.intelros.ru/readroom> (дата обращения: 28.01.2019).
16. Официальный сайт проекта «СССР: Хронология распада». URL: http://www.gorby.ru/ссср/people_voice/1989-1990 (дата обращения: 12.01.2019).
17. Сигал Л. Похитители сабинянок (Заметки контрреволюционера о легитимности власти). URL: <https://politconservatism.ru/articles/pohititeli-sabinyanok-zametki-kontrrevolyutsionera-o-legitimnosti-vlasti> (дата обращения: 12.12.2018).
18. Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о состоянии военной сферы на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. // Архонт. 2018. Вып. 3 (6). С. 103—114.
19. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
20. Личн. арх. С.Г. Коваленко.